

4. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1983. – С. 172–214.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 552 с.
6. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

The article considers language play as a tool for implementing the communicative strategy of discrediting. The study is conducted within the framework of intolerant discourse based on online comments on news articles related to gender.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Т. И. Гаранович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ТАВТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ *N ёсць N* И ЕЕ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности белорусской и английской тавтологических конструкций *N ёсць N* и *N is N*. Освещаются основные подходы к интерпретации тавтологий. Анализируется употребление *N ёсць N* и *N is N* в качестве синтаксических фразеологизмов и неидиоматических эллиптических конструкций.

Термин *тавтология* в Лингвистическом энциклопедическом словаре определяется как «содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части» [1, с. 501]. Смысловое дублирование происходит за счет повторения одних и тех же или близких слов и считается свидетельством недостаточной грамотности говорящего [1]. Примерами тавтологий, нарушающих нормы белорусского и английского языков, являются *больш лепшы, заразная інфекцыя, more better, a forecast about the future*.

Объектом исследования в нашей статье выступают белорусская и английская конструкции *N ёсць N* и *N is N*. Они называются тавтологическими, поскольку в позициях подлежащего и именной части сказуемого в них используется одно и то же существительное, например, *жыццё ёсць жыццё, life is life*. В научной литературе такие структуры обозначаются терминами *именные тавтологии* (nominal tautologies) [2; 3; 4], *именные тавтологические конструкции* (nominal tautological constructions) [5], *эквиативы* (equatives) [6], *тавтологии с предикативным удвоением* [7], *субъектно-предикатные тавтологии* [8].

Выбор в качестве объекта нашего исследования этих моделей обусловлен прежде всего тем, что они являются одними из наиболее употребительных тавтологий, на что указывают многие исследователи [6; 7], а также самыми многозначными. Утверждение о многозначности в цитируемых источниках относится к английской конструкции *N is N* [6], однако проведенный нами анализ семантики белорусских тавтологий показал, что оно правомерно и в отношении модели *N ёсць N*. Кроме того, белорусская и английская структуры полностью совпадают по форме, что позволяет считать их синтаксическими соответствиями и сконцентрироваться на анализе семантики.

Тема и рема в конструкциях *N ёсць N* и *N is N* выражены одним и тем же существительным, т.е. с точки зрения актуального членения предложения эти модели, на первый взгляд, не имеют коммуникативной ценности, поскольку в реме не сообщается ничего нового, а лишь то, что уже известно и отражено в теме. Кажущаяся неинформативность делает употребление именных тавтологий в процессе коммуникации бессмысленным, между тем наш анализ фактического материала, а также работы других исследователей показывают, что, наоборот, рассматриваемые модели являются частотными, а в их семантике отсутствует какая-либо избыточность. Так, согласно М. В. Коптеву и Т. И. Стексовой, тавтологии, аномальные с точки зрения буквального понимания, могут получать семантически стандартную интерпретацию, поскольку существуют особые правила их переосмысления, известные носителям языка [9]. На существование «устойчивых способов неизбыточного переосмысления тавтологий» указывает Т. С. Остапенко [7, с. 13]. В разработанной исследователем классификации тавтологий на основании причин их использования в речи модель *N is N* относится к тавтологиям «по интенции», которые утрачивают избыточность в связи с формированием вторичного значения [7]. По мнению Л. К. Рахманкуловой, информативное употребление *N is N* «связано с актуализацией в предикации сем импликационала словозначения» [8, с. 10]. Таким образом, поскольку значения *N ёсць N* и *N is N* не являются суммой значений их компонентов, а сами структуры не понимаются буквально и поэтому лишены семантической избыточности, относить их к тавтологиям можно лишь на основании формы, но не семантики, а утверждение о неинформативности тавтологических конструкций в данном случае утрачивает свою правомерность.

В научной литературе выделяется 3 основных подхода к интерпретации тавтологий:

1) прагматический (Г. П. Грайс, С. Левинсон, Г. Уорд, Дж. Хиршберг), согласно которому осмысление тавтологий происходит на основе универсальных, т.е. не зависящих от конкретного языка, прагматических принципов. Большая часть передаваемой ими информации является имплицитированной, и это имплицитированное значение вытекает из контекста, поэтому одна модель в разных контекстах может иметь разные значения [10; 11; 12];

2) семантический (А. Вежбицкая), в соответствии с которым значение тавтологических конструкций определяется их формой, оно конвенционально, т.е. закреплено за самими моделями, и не зависит от контекста. В разных языках значения тавтологий неодинаковы, и, соответственно, не могут выводиться на основе универсальных языковых принципов [13; 14]. Что касается рассматриваемой нами структуры $N \text{ is } N$, то, согласно А. Вежбицкой, объекты, называемые N , соотносятся с закрепленным у нас в сознании набором их признаков, и это общее представление получает подтверждение в конкретном контексте. В зависимости от лексического наполнения переменного компонента, которое, по мнению исследователя, ограничено сложными аспектами деятельности человека, одна и та же модель может иметь разные семантические интерпретации в пределах одного значения [13; 14];

3) семантико-прагматический, или гибридный (Б. Фрейзер, Р. У. Гиббс, Р. Роудс, И. Куон, Н. Ямамото), который предполагает, что тавтологии могут иметь конвенциональные значения, однако решающую роль в их интерпретации играет контекст [2; 3; 4; 5; 6]. Так, согласно Б. Фрейзеру, форма именной тавтологии служит проявлением намерения говорящего выразить убежденность, что у участников коммуникации одинаковое мнение относительно какого-либо свойства объекта, обозначаемого N , и обратить на эту убежденность внимание слушающего, а свойство объекта N , оказывающееся в центре внимания, зависит от контекста [3]. С помощью наглядных, по нашему мнению, примеров Б. Фрейзер доказывает, что ограничений в лексическом наполнении переменного компонента N не существует. Аналогичных взглядов на интерпретацию именных тавтологий придерживается и Н. Ямамото. Возражая А. Вежбицкой, исследователь на примерах демонстрирует, что, во-первых, лексическое наполнение переменного компонента N неограниченно, а во-вторых, модель с одним и тем же переменным компонентом может иметь разные значения, которые определяются контекстом [4].

В результате анализа семантики конструкций $N \text{ ёсць } N$ и $N \text{ is } N$, проведенного на материале 300 примеров (по 150 на белорусском и английском языках) из Корпуса белорусского языка [15], Британского национального корпуса [16], а также электронных версий белорусских и британских художественных произведений и информационных изданий, нами выявлены 10 значений рассматриваемых структур, совпадающих в двух языках, в которых они выступают как идиоматические конструкции: 1) наличие определенных особенностей, закономерностей, свойств; 2) универсальная, неизменная ценность, значимость; 3) превосходство, предпочтительность, приоритетность; 4) сходство/одинаковость всех представителей одного класса; 5) незначительность, незначимость; 6) противопоставление и разграничение; 7) многогранность, разноплановость; 8) узнаваемость, неизменность сути, несмотря на перемены; 9) долженствование, обязательность выполнения/соблюдения; 10) единственность возможного наименования. В силу ограниченности объема статьи приведем примеры употребления $N \text{ ёсць } N$ и $N \text{ is } N$

только в некоторых из них: *Гэтак жа палюбіў і Навума. На вайне, можа, і не да такой сентыментальнасці, але чалавек ёсць чалавек* (І. Шамякін) = ‘человеку свойственно испытывать чувства’; *Children are children; one can't make them think like adults* (L. Milroy) ‘Дети есть дети; их невозможно заставить думать как взрослые’ = ‘у детей свой образ мышления’ – значение ‘наличие определенных особенностей’; *Ураджайнасць на расійскім баку меншая, намалот з беларускім не параўнаць, але хлеб ёсць хлеб, і ўбраць яго трэба* («Звязда») = ‘хлеб – это ценность, им надо дорожить’; *“London is London,” she said. “Even with the panic of Brexit, and things go up and down in the economy, property prices in the centre of London just always bounce back”* (The BBC) ‘«Лондон есть Лондон, – сказала она. – Даже в условиях паники из-за Брексита, подъемов и спадов в экономике цены на недвижимость в центре Лондона если и падают, то потом всегда снова повышаются»’ = ‘Лондон ценится во все времена’ – значение ‘универсальная, неизменная ценность, значимость’.

И в белорусском, и в английском языках семантические варианты именных тавтологий всегда определяются контекстом и не зависят от лексического наполнения переменного компонента. Это значит, что модель с одним и тем же наполнением *N* может иметь различные значения, что иллюстрируют следующие примеры: *Але хто гэта ў Куранях з добрых, сапраўдных хлопцаў саступаў дзяўчатам, рабіў, як яны хочуць? Мужчына ёсць мужчына* (І. Мележ) = ‘мужчинам не свойственно уступать девушкам’ – значение ‘наличие определенных особенностей, закономерностей, свойств’; *Слухай, дачка, думаю, што не трэба Надзі грэбаваць такім чалавекам. Ён непрыгожы, але ж мужчына ёсць мужчына. Асабліва ў цяперашні час* (У. Федасеенка) = ‘мужчина – это ценность, мужчинами надо дорожить’ – значение ‘универсальная, неизменная ценность, значимость’; *I'm going to be selling digital screens to the NHS now. It's a completely different industry, but business is business* (The BBC) ‘Теперь я буду продавать цифровые мониторы Национальной службе здравоохранения. Это совсем другая область, но бизнес есть бизнес’ = ‘все виды бизнеса схожи’ – значение ‘сходство/одинаковость всех представителей одного класса’; *“It's not just the euro, the recession does not help,” he says, “but I'm hopeful that the UK and France will pull out of the recession. Business is business, I just try to stay optimistic”* (The BBC) ‘«Дело не только в курсе евро, но и в рецессии, – говорит он, – но я надеюсь, что Великобритания и Франция из нее выйдут. Бизнес есть бизнес, я просто стараюсь быть оптимистом»’ = ‘в бизнесе бывает всякое’ – значение ‘многогранность, разноплановость’.

Что касается лексического наполнения переменного компонента, то в 9 из 10 выявленных значений оно неограниченно. Исключением являются лишь конструкции с семантикой ‘долженствование’, в которых позицию *N* могут занимать только существительные, имеющие в составе значения сему обязательности соблюдения: *Па закону ён павінен будзе падзяліць тыя здабыткі з ёй, закон ёсць закон* (М. Лынькоў) = ‘закон нужно соблюдать’;

*'OK, I understand that **rules are rules**,'* commented the surprised and generous victor ("Autocar and Motor") *«Да, я понимаю, что правила есть правила», – сказал удивленный и великодушный победитель* = *«правила следует соблюдать»*.

Результаты анализа семантики белорусской и английской конструкций *N ёсць N* и *N is N* позволяют нам присоединиться к мнению сторонников семантико-прагматического подхода к интерпретации именных тавтологий и с уверенностью утверждать, что обобщенное значение рассматриваемых структур – модусность, т.е. субъективное отношение говорящего к высказыванию [17], – закреплено за моделями, по которым они строятся, а их конкретные семантические варианты всегда определяются контекстом. Поскольку значение *N ёсць N* и *N is N* не является суммой значений их компонентов, эти структуры являются идиоматическими.

В российском языкознании конструкции с такой семантической организацией относятся к синтаксическим фразеологизмам, которые мы понимаем как устойчивые предикативные структуры, представляющие собой модели с обобщенным модусным значением и характеризующиеся идиоматичностью, воспроизводимостью, наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов. В частности, конструкция *N есть N* рассматривается как синтаксический фразеологизм А. В. Величко (исследователь употребляет синонимичный термин *предложение фразеологизированной структуры*) [18] и М. В. Копотевым [19]. Что касается цитируемых в нашей статье англоязычных работ, то ни в одной из них тавтология *N is N* не называется фразеологизмом. О фразеологичности пишет лишь американский лингвист Б. Фрейзер, по мнению которого «значение тавтологий во многом не позволяет отнести их к идиомам» (перевод наш. – Т. Г.) [3, р. 217]. Поскольку это утверждение никак не объясняется, нам остается только высказать предположение, что оно, вероятно, связано с наиболее распространенным пониманием фразеологизмов исключительно как устойчивых сочетаний, равных по значению слову или словосочетанию.

Модели *N ёсць N* и *N is N* употребляются не только как синтаксические фразеологизмы, но и как неидиоматические эллиптические конструкции, т.е. структуры, отдельные элементы которых подразумеваются, но формально не выражаются. Выступая в этом качестве, тавтологии могут использоваться в следующих значениях:

1) отсутствие значимых различий в пределах одной категории: *На 8 Сакавіка запрашалі мы яго маці. Прыязджала. Павячэралі, начаваць засталася. А ён просіцца: «Бабуля, можна я з мамай буду спаць?» І так да яе прытуліўся, так абняў, усё расказвае, вочкі свецяцца...* *Усё ж маці ёсць маці* («Астровецкая праўда») = *«любая мать, даже не заботящаяся о ребенке и лишенная родительских прав, – это все равно мать»*; *Adulterer, tramp or thief, a husband is a husband* (C. Still) *«Прелюбодей, бродяга или вор, муж есть муж»* = *«любой муж, как бы он себя ни вел, – это все равно муж»*. В этом семантическом варианте именные тавтологии употребляются и в белорус-

ском, и в английском языках. Конструкции имеют логическую структуру *любой N – это все равно N*, при этом элементы *любой* и *все равно* формально не выражаются: [любая] *маці* [усё роўна] *ёсць маці*; [any] *a husband is [still] a husband*;

2) соответствие представлению об идеале: *Crichton's is a world where men are men, and are called by their second names. Women are women – attractive, feisty, incidental to the plot, and always referred to by their first names* (“The Daily Telegraph”) ‘В мире, созданном Крайтоном, мужчины есть мужчины, и называют их по фамилиям. Женщины есть женщины, привлекательные, боевые, они являются второстепенными персонажами, и к ним всегда обращаются по имени’ = ‘мужчины в книгах Крайтона – это настоящие мужчины, а женщины – настоящие женщины’. Данный семантический вариант характерен только для английского языка, а тавтологическая конструкция имеет логическую структуру *этот N – настоящий N*, при этом элементы *этот* и *настоящий* формально не выражаются: [the] *men are [true] men, and [the] women are [true] women*. В белорусском языке для выражения соответствия *N* идеальному образу используются полные предложения нефразеологизированной структуры, например, *У свеце, створаным Крайтанам, мужчыны – гэта сапраўдныя мужчыны*;

3) акцентирование точности наименования: *Але тое не мяняе нічога на сутнасці, здраднік ёсць здраднік* (В. Быкаў) = ‘предатель – это именно предатель’; *I don't think anyone can blame a company whose business is to make money for pulling out of a venture which is costing it cash. Business is business, and not saving the world or proving your moral courage* (“The Daily Telegraph”) ‘Не думаю, что можно обвинять компанию, которая должна зарабатывать деньги, в прекращении деятельности, приносящей убытки. Бизнес есть бизнес, а не спасение мира или способ доказать вашу силу духа’ = ‘бизнес – это именно бизнес’. Логическая структура именных тавтологий в этом значении выглядит как *N – это именно N*, при этом формально не выраженным является элемент *именно*: *збраднік ёсць [менавіта] збраднік; business is [indeed] business*.

Таким образом, в результате анализа семантики именных тавтологий установлено, что *N ёсць N* и *N is N* могут употребляться, во-первых, как синтаксические фразеологизмы и, во-вторых, как неидиоматические эллиптические конструкции. Нами выявлено 10 значений, совпадающих в белорусском и английском языках, в которых рассматриваемые структуры выступают как идиоматические образования. Установлено, что обобщенное значение модусности закреплено за моделями, по которым они строятся, а их конкретные семантические варианты всегда определяются контекстом. Также выявлены 2 значения в белорусском и 3 в английском языке, в которых именные тавтологии используются в качестве неидиоматических эллиптических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707 с.
2. *Gibbs, R. W.* Why Boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies / R. W. Gibbs, N. S. McCarrell // *Journal of Psycholinguistic Research*. – 1990. – Vol. 19, iss. 2. – P. 125–145.
3. *Fraser, B.* Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1988. – Vol. 12, iss. 2. – P. 215–220.
4. *Yamamoto, N.* An Examination of the Controversy over English Nominal Tautologies [Electronic resource] / N. Yamamoto. – Mode of access : <https://pdfs.semanticscholar.org/595f/bee8106d44e30e763369b89bd46f5403124f.pdf>. – Date of access : 18.11.2019.
5. *Kwon, I.* A Tautology is a Tautology: Specificity and Categorization in Nominal Tautological Constructions [Electronic resource] / I. Kwon // *Proc. of the Annual Meeting of Berkley Linguistics Society*. – Mode of access : <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/BLS/article/view/3612>. – Date of access : 18.11.2019.
6. *Rhodes, R.* Tautological constructions in English... and beyond [Electronic resource] / R. Rhodes. – Mode of access : <https://pdfs.semanticscholar.org/928c/09fca831c1ef6ba61a5ac9f0d71c1167f99c.pdf>. – Date of access : 18.11.2019.
7. *Остапенко, Т. С.* Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. С. Остапенко ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2011. – 18 с.
8. *Рахманкулова, Л. К.* Тавтологические конструкции в современном английском языке: функциональный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. К. Рахманкулова ; Ленингр. гос. пед. ун-т. – Л., 1984. – 19 с.
9. *Копотев, М. В.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словае / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. – М. : Языки слав. культуры, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 166 с.
10. *Grice, H. P.* Logic and conversation / H. P. Grice // *Syntax and semantics*. – N. Y., 1975. – Vol. 3 : Speech acts. – P. 41–58.
11. *Levinson, S.* Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 p.
12. *Ward, G. L.* A pragmatic analysis of tautological utterances / G. L. Ward, J. Hirschberg // *Journal of Pragmatics*. – 1991. – Vol. 15, № 16. – P. 507–520.
13. *Wierzbicka, A.* Boys will be boys: 'Radical semantics' vs. 'radical pragmatics' / A. Wierzbicka // *Language*. – 1987. – Vol. 63, № 1. – P. 95–114.
14. *Wierzbicka, A.* Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser / A. Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1988. – Vol. 12, № 2. – P. 221–224.
15. Корпус белоруской мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступа : 15.03.2019.
16. British National Corpus (BNC) [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access : 17.03.2019.

17. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове: кагнітыўная структура, функцыянальны статус, сродкі выражэння: дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск, 2002. – 231 л.
18. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. В. Величко. – Н. Новгород, 2017. – 41 с.
19. Копотев, М. В. Принципы синтаксической идиоматизации / М. В. Копотев. – Хельсинки : Helsinki Univ. Press, 2008. – 126 с.

The article dwells on structural and semantic features of the Belarusian and English tautological constructions *N ёсць N* and *N is N*. It has been determined that they can be used as syntactic idioms with a generalized modus meaning fixed to the models according to which they are constructed, and have 10 semantic variants common to both the languages. Two meanings in Belarusian and three meanings in English have been singled out, in which *N ёсць N* and *N is N* are used as non-idiomatic elliptical constructions.

Поступила в редакцию 30.04.2020

Е. А. Гордей

МОДАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ, МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена рассмотрению лингвистической составляющей категории модальности в сопоставлении с логической. Несмотря на то, что проблема категориального статуса модальности в лингвистике не новая, единого подхода к ее решению до сих пор не выработано. Анализируются различные точки зрения на данную проблему и уточняется ее содержание путем введения дополнительных разграничительных процедур.

Проблема квалификации модальности как языковой категории стала очевидной с проникновением в лингвистику достижений логики, семиотики, психологии, социологии [1, с. 123]. В лингвистической литературе развернулась острая дискуссия по поводу модальности, методов и процедур ее установления. Несмотря на многочисленные обращения к данной теме вопрос о лингвистическом статусе модальности, типах модальных значений, способах выражения модальных отношений остается открытым, чему во многом способствует разноплановость модальной проблематики, требующая различных подходов к ее изучению.

Модальность в философии. Своим появлением понятие модальности (от ср.-лат. *modalis* – модальный; лат. *modus* – мера, способ) обязано философии, получив наиболее полное развитие в модальной логике. Термин *модальность* для обозначения способа существования какого-либо объекта или суждения об объекте, явлении или событии был введен Аристотелем.

Бельгийский логик Роберт Фейс в книге «Модальная логика» отмечает, что хотя интерес Аристотеля к модальным высказываниям был связан с его философской концепцией, исследование модальности в работах Аристотеля